

Валерий Сандлер

Там, на далеком юге

«Сразу видно человека с раньше времени. Сейчас таких уже нету и скоро совсем не будет...» Именно это изречение неудачливого «сына лейтенанта Шмидта» и незадачливого гусеграда Паниковского я возьму себе в помощь: с ним мне легче будет отправиться в мое «раньше время» и вас за собой увлечь хотя бы ненадолго. Потому что — «ах, как хочется вернуться, ах, как хочется ворваться в городок», во времена, «когда мы были молоды, бродили мы по городу», а приходилось — так и по любым городам и весям нашей бывшей необъятной родины, пока еще не разделенной на национальные кварталы, не отбившей у нас привычки ездить друг к другу в гости, не разменявшей хорошую книгу на телевизор, айпод и смартфон, не увязшей в соцсетях, постельных сплетнях и кровавых междоусобицах...

Думайте что хотите, но жизнь в «раньше время», которую «невозможно повернуть назад», стоила того, чтобы в ней хлопотать, испытывать и преодолевать невзгоды, а сегодня, спустя не одно десятилетие, она заслуживает, чтобы о ней хотя бы помнили.

СГИБАЯСЬ ПОД ТЯЖЕСТЬЮ «РОДИНЫ»...

В конце 1950 — начале 1960-х, молодой студент-заочник, я работал учителем русского языка в сельских школах Киргизии. Первые два года из четырех пришлось на село Горная Маёвка, что километрах в тридцати от Фрунзе (ныне — Бишкек), вторая учительская двухлетка прошла в Баткенском районе, на крайнем юге республики.

Району не везло в части быта и снабжения, зато повезло с соседями: северной своей оконечностью он умудрился примкнуть сразу к двум — Таджикистану и Узбекистану. В этой близости было спасение для многих его жителей. По выходным дням из райцентра Баткен отправлялись автобусы в таджикскую Исфару — городок чистенький, аккуратно спланированный и, что особенно важно, способный обеспечить всем насущным как своих, местных, так и нас, приезжих. Местный рынок утешал голодный глаз баткенца обилием и относительной дешевизной мяса, фруктов, овощей. Городской универмаг и мелкие торговые «точки» привечали покупателя в основном советским ширпотребом, изредка балуя заветным импортом, когда наряду с суконными ботами «прощай, молодость» и туфлями фабрики «Скороход» на полках появлялась обувь чехословацкой фирмы «Цебо», из готовой одежды — рубашки, платья и костюмы, сшитые аж в Болгарии, Венгрии, Китае или Вьетнаме...

Сандлер Валерий Семенович родился в 1942 году на Украине, вырос и большую часть жизни прожил в Киргизии, где служил учителем в сельских школах, корреспондентом Киргизского радио и телевидения, заведующим отделом публицистики журнала «Литературный Киргизстан». С 1992 года живет в США, где работал редактором отдела новостей нью-йоркской газеты «Новое русское слово» и внештатным корреспондентом еженедельника «В Новом Свете». Предыдущие публикации в «ДН» — 2018, № 6, 9.

Ай, спасибо Исфаре! Баткенский автобус шел в обратный рейс, приседая под тяжестью сумок со снедью и промтоварами, с которыми его пассажиры возвращались домой. Ну а для тех баткенцев, кто жил далеко от райцентра и кому до исфаринского рога избытия было не дотянуться, существовал узбекский Риштан, но о нем речь позже.

Все только что описанное стало частью моей жизни после того как я сам стал жителем Баткена. А до того год учительствовал в поселке Чонгара и соседнем селе Зарташ, куда меня, явившегося из Фрунзе с бумагой от министерства просвещения Киргизии, направил баткенский районо. Ни один дурень там работать не соглашался ни за какие коврижки. Ни один, кроме меня. За что я и благодарен судьбе. Ведь, сложишь все иначе, не попади я в Баткенский район — не было бы в моей жизни ни Заремы, ни дочери Марины и сына Саши. Да мало ли чего бы не было, не направь меня заврайоно к чертям на кулички, то есть в самую что ни на есть Чонгару.

Девушка, секретарь районо, вручила мне копию приказа со словами:

— На улице найдете бортовой ГАЗ, вот его номер. С водителем я договорилась, он довезет вас до места.

Сидевший за рулем ГАЗа молодой киргиз был рад попутчику.

— Ты правда из Фрунзе? О, нормально! Расскажешь, как там жизнь. По прямой нам ехать километров сорок, но всю дорогу грунт, гравий и песок, замучаемся пыль глотать. Поедем через Таджикистан, это шестьдесят кэмэ, зато асфальт от и до.

Почему на таджикской территории асфальт есть, а на киргизской его нет, выяснять мне было некогда, да и неохота, не мое это дело, тем более что за удовольствие не глотать пыль я готов был сделать крюк даже через Владивосток.

Ландшафт, стоило нам выбраться из Баткена, изменился резко, словно в восточной сказке, в которой усталый путник, оставив позади унылую, сухую, выжженную солнцем пустыню, попадает в оазис, где земля плодородна, а воздух, еще не так давно обжигавший лицо и, казалось, проникавший в самое нутро, ласкает свежестью и прохладой. Мы ехали по главной улице села, название которого я спросить не догадался.

— Тут уже таджики, — пояснил водитель. — Очень правильно живут люди! У них в каждом дворе сад-виноград. Умеют на земле работать. Посадят сухую палку всю в сучках — весной на ней почки набухнут.

Он мог бы этого не говорить. Хоть высокие глиняные дувалы и прикрывали дома и дворы таджиков от любопытных глаз, с моего места в кабине было видно, что природа своей щедростью их не обделила. Через каких-нибудь полчаса я в этом убедился. Двое подростков, выбежав на дорогу, машут нам, просят остановиться. Водитель затормозил, подождал, пока один из них вскочит на подножку и заговорит на языке, не похожем ни на киргизский, который я худо-бедно помнил со времени давно минувших школьных лет, ни на узбекский, также относящийся к тюркской группе. Про то что язык — фарси, таджикский, я узнал от водителя позже. А он тем временем, тронув машину с места, повернул с главной улицы налево, вместе с парнем на подножке проехал метров двести, остановился перед каким-то домом, а мне сказал:

— Давай, выходи. Чемодан в кабине оставь, никто не тронет.

Мы прошли в ворота, попали на просторный двор, заполненный народом. Посреди двора стоял сложенный из самана таганок, на нем громоздился невиданных размеров чугунный казан, вокруг которого хлопотали мужчины, а в казане... Нет! Обыкновенное чудо по имени Плов не описать ни словами, ни жестами. Сначала это чудо вы должны обонять, затем увидеть, слегка тронуться умом и лишь потом начать есть. И — никаких ложек-вилочек, только пятью пальцами. Об этой премудрости я раньше знал понаслышке, теперь же с восторгом осваивал ее на деле, сидя под резным деревянным навесом, укрывавшим от жаркого солнца, на покрытом дешевыми коврами топчане, бок о бок с незнакомыми людьми, чье внимание и добросердечие к случайному гостю проявлялись в каждом их взгляде, в каждом жесте. Водитель, с которым мне предстояло добираться до места новой работы и жительства, учил меня правильно складывать пальцы, чтобы рис (знайте, что самая вкусная и ароматная часть плова — рис, а вовсе не мясо, как я раньше наивно полагал!) не просыпался мимо. В тот день я был также впервые приобщен к процедуре чаепития, при которой

пиалу горячего зеленого чая следует, сделав небольшой глоток, передать соседу, а он — дальше, и так по кругу. Никем нигде не прописанный знак взаимного уважения — но в селах срединной Азии он един для стариков и молодых.

После плова и чая перед гостями появились большие, расписанные вручную керамические блюда с грушами, персиками и виноградом — все эти ароматные дары природы росли тут же, в просторном дворе. Пока я собирался узнать у водителя, кто нас так обильно потчует, а главное — за что, он сам меня опередил вопросом:

— Ну как, хорошо покушал? Еще хочешь? Нет? Тогда поехали.

Стараясь не привлекать внимания остальных участников пиршества, мы встали со своих мест и направились к воротам, чтобы покинуть гостеприимный двор. Выехали за околицу села, и тут водитель развеял мое недоумение: объяснил, что сыну хозяина дома, в котором нас только что щедро угощали, исполнилось три года, и, по мусульманскому обычаю, мальчику сделали обрезание. Радость от этого, казалось бы, сугубо семейного события родители желают разделить не только с родственниками, друзьями и соседями, но и с каждым, кто в этом селе оказался случайно.

— Этих ребят, которые нас на дороге тормознули, специально послали, чтобы заворачивать к дому всех, кто идет или едет. Народный обычай, надо его уважать...

Действие уважаемого обычая я впоследствии испытал на себе не единожды, всякий раз сценарий бывал одинаков: идешь куда-нибудь по своим делам, вдруг тебя останавливают незнакомые люди, приводят в незнакомый дом, его хозяев не интересует, кто ты, откуда и как тут оказался, — приветят, усадят среди остальных гостей за обильную трапезу, а когда, угостившись, ты соберешься уходить, скажут спасибо, что пришел, пожелают доброго пути.

За первые две недели, проведенные в поселке Чонгара, на левом берегу реки Сох, отделявшей в этих местах Киргизию от Узбекистана, я узнал, что он не всегда являл собой забытое богом захолустье, бывали в его биографии дни и годы недурно устроенной, вполне цивилизованной жизни. Меня вовремя просветил заведующий начальной школой соседнего села Зарташ (где я также проводил ежедневно по два урока) Паиз Абдыраимов, рассказав, что в середине 1930-х годов на киргизской территории были обнаружены запасы природного газа, но для его добычи не было у республики ни сил, ни средств, ни специалистов. Все три составляющие нашлись в Узбекистане, взявшемся на условиях аренды разрабатывать месторождение. Прежде чем приступить к добыче, был построен для рабочих-газовиков городок из уютных кирпичных коттеджей, каждый на две семьи, в каждой половине — по три комнаты; туда подвели электричество и водопровод. К концу 1950-х запасы газа иссякли, оставаться в Чонгаре газовики не видели смысла, поэтому ушли. А поселок остался и был как бы нечаянно подарен Киргизии. Подарок пришелся кстати: требовалось срочно переселять жителей высокогорного села Зардалы, куда вела единственная дорога, связывавшая село с долиной. Шесть месяцев в году она бывала наглухо перекрыта снегом. Зимой 1958 года стояли лютые морозы, и зардалинцы, не имея возможности спуститься в райцентр, чтобы запасти муки, соли, керосина и спичек, умирали целыми семьями, и только эта страшная трагедия заставила выживших сменить обжитое место на чуждую им Чонгару.

Узбекистан, покидая поселок, отрезал его от электро- и водоснабжения, предоставив властям Киргизии заботиться о новоселах. Практически вся забота властей свелась к тому, чтобы раз в неделю доставлять им воду в цистерне. Этих запасов хватало на приготовление пищи и чая, без которого киргизы (а сельские — особенно) своей жизни не мыслят. Если «водовозка» запаздывала, а то и не приезжала вовсе, выручал арык, в котором текла, хоть и коричневого цвета, но все же вода, ее приходилось, выждав, пока осядут на дно ведра взвешенные частички глины, кипятить и пить или готовить на ней шорпо — суп из баранины. Перед каждым коттеджем (половину одного из них я занимал) новые хозяева слепили глиняные печи — тандыры, в них выпекались лепешки; в одной из трех комнат селился домашний скот: овцы, козы; жильё по вечерам освещали коптилки, редко — керосиновые лампы. Справить нужду жители бегали в единственный на весь поселок, еще газовиками построенный кирпичный туалет, дальние подходы к нему были наглухо «заминированы» не успевшими добежать страдальцами животом; эти завалы чистил похожий на мумию

старик, зимой 1958-го потерявший всю семью, а с ней — почти весь разум. За кусок лепешки, пиалу чая и коробок спичек он выполнял любую тяжелую работу: собирал в горах хворост для тандыров, копал арыки, убирал навоз за скотом... Обитал он в сырой землянке. Спал на сбитом в комья тюфяке, укрывшись драным ватным одеялом. Не мылся никогда. Все забыли его имя, звали коротко: чал, то есть старик. Однажды в поселке забили тревогу: кому-то срочно потребовалась вязанка хвороста, хватились старика — а он, оказалось, умер. Войдя в его землянку, люди обнаружили под тюфяком многие десятки высохших, как камень, лепешек и сотни спичечных коробков, ни в одном из которых не была истрачена ни одна спичка! Ситуация — словно из джекклондонской «Любви к жизни», только у Лондона герой после всех скитаний и пережитых несчастий пребывал в здравом уме, он лишь боялся вновь оказаться перед лицом голодной смерти...

...И вот здесь-то мне предстояло учить детей русскому языку, о котором они в своем недоступном высокогорье даже не слышали, писать с ними диктанты, читать им Пушкина и Тургенева — этого требовали учебные программы и методики минпроса, и я добросовестно старался им следовать, заведомо зная, что результат будет нулевым. Таким он и оказался.

Жизнь в Чонгаре, в отсутствие газа, электричества и водопровода, мне запомнилась еще и тем, что за простейшими продуктами приходилось раз в неделю выбираться в городок узбекских газофиков Риштан. Попасть туда можно было, спустившись из Чонгары в Зарташ, чтобы, перейдя вброд реку Сох, оказаться на узбекской территории. Надев рубаху, брюки и ботинки поплоче, чтобы в случае чего не жалко было выкинуть, я выходил на берег Соха в том месте, где его русло сужалось до нескольких десятков метров, высматривал выступающие из-под воды каменные островки, бодрым козликом перебирался по ним на узбекский берег и успевал на вахтовый грузовик, который, доставив очередную смену газодобытчиков, отъезжал обратно в Риштан. Место в кузове мне всегда находилось, денег здесь ни с кого не брали. Доехав до места, я шел в городскую баню, смывал с себя недельную грязь и, чистенький, двигал в чайхану, где сам себе устраивал шикарный обед из полудюжины горячих, только что вынутых из тандыра узбекских пирожков «самсы» и кисти винограда весом чуть ли не в кило, купленной на рынке рядом с чайханой; запивалось все это тремя пиалами зеленого чая. Отобедав, я бодро шагал в ближайший продмаг и через полчаса покидал его с запасом продуктов на неделю: два кило картошки, три буханки хлеба, полпалки «Докторской», триста граммов карамелек, пачка вермишели, по пачке сахара и чая да пол-литра хлопкового масла.

В ноябре 1960-го минули мои два месяца учительской маеты в полном отлучении от цивилизации. По этому случаю я субботним утром, перебросив через плечо полосатый мешок-курджун, который мне одолжил Паиз Абдраимов, устроил очередной поход в Риштан с культурными целями: купил батарейный радиоприемник «Родина-52» весом в 12 килограммов. Почти вдвое больше весила батарея к нему. Выручил курджун, вместивший, помимо «Родины» с батареей, еще и недельный запас еды. К вечеру меня, навьюченного не хуже рабочего мула, вахтовый грузовик довез на узбекский берег Соха. В кузове со мной оказался молодой киргиз из Зарташа. Он тоже побывал в Риштане, где отоварился покруче моего: купил на рынке двух баранов и с ними возвращался домой. От места, куда нас довез грузовик, нам предстояло более привычным видом транспорта — на своих двоих — добираться к себе в Киргизию.

Кто же знал, что днем здесь пройдет ливень и уровень воды в Сохе поднимется настолько, что перейти реку вброд было бы под силу только Гулливеру! Мой случайный попутчик, звали его Санджар, превратился в товарища по несчастью. Вдвоем мы стали искать выход из ситуации, в которую нас загнала стихия. Обоим требовалось, кровь из носу, перебраться на ту сторону реки. Пройдя вверх по течению, мы дошли до места, где река распадается на несколько рукавов, оставляя между ними узкие песчаные отмели. Рукавов насчитали шесть, отмелей — пять. Сняли и сунули в мешки обувь, закатали брюки выше колен. Дальше все прошло как в классической головоломке про волка, козу и капусту. Одного барана Санджар взвалил себе на спину и первым ступил в холодную ноябрьскую реку, за ним двинулся я со вторым бараном на спине. Выбравшись на ближайшую отмель, я передал поклажу хозяину, а сам

вернулся на берег, чтобы тут же пуститься в обратный путь — но уже с курджуном. Таких маневров мы совершили пять, прежде чем выбрались на киргизский берег, где смогли обуться и привести в порядок одежду. У обоих зуб на зуб не попадал, но радость благополучного возвращения была сильнее холода. Санджар привел меня к себе домой, в Зарташ, напоил водкой, накормил и уложил спать. Утром он запряг в повозку ишака и отвез меня со всей моей поклажей в Чонгару.

Годы спустя, уйдя из учителей в журналисты — вначале на радио, затем в газете, — я часто и охотно ездил в командировки в сельские районы Киргизии, во многих селах у меня появились знакомые механизаторы, полеводы и чабаны. Общаться мне с ними было легко, потому что за годы работы в Баткенском районе не столько я научил школьников русскому языку, сколько они меня — киргизскому, теперь это знание мне пригодилось. Работали эти люди тяжело, жили скудно. Но и в саманной кибитке, и в чабанской юрте, куда я входил со своим магнитофоном, хозяин первым делом говорил, разламывая лепешку: «Давай садись, сунчик с нами покушай, чайку попей, поговорить успеем».

ВОСПИТАНИЕ ПО-ТАДЖИКСКИ

Последние дни отсчитывал декабрь 1960-го. Впервые за много лет я готовился в гордом одиночестве, без друзей и родных, в пустой, холодной квартире встретить Новый год и провести неделю зимних каникул, хотя и не особо переживал по этому поводу, зная, что есть и другие радости в жизни — та же, в конце концов, «Родина-52». С появлением в моей холостяцкой обители чуда по имени радио вновь для меня открылось окно в мир, которого я долго был лишен: мир оперы и оперетты, устных рассказов всё и всех на свете знавшего Ираклия Андроникова, вечерних концертов «По вашим заявкам», передач «Театр у микрофона»...

В коттедже по соседству с самого лета жили двое из таджикского села Ляккан — отец и взрослый сын Икрамовы, их привела в Киргизию возможность заработать на строительстве оросительного канала для нужд местного колхоза. Строителям, даже приезжим, платили прилично, в отличие от колхозников — тем вместо денег начислялись жалкие трудодни. По вечерам, отработав, отец и сын заглядывали ко мне «на огонек», выкладывали на стол увязанные в платок коричневые кристаллы сахара «нават», я ставил на плиту чайник, споласкивал три пиалы и ждал, когда Икрамов-старший, отпив чая, скажет:

— Ташкент поймай, пожалуйста. Музыка послушать хотим...

Таджики, они предпочитали слушать узбекскую музыку. Почему — я спросить так и не удосужился. Но просьбу всегда выполнял, Ташкент «ловил». Тем более что и мне эта музыка нравилась. Звучала она сутки напролет, прерываясь лишь на новости о трудовых подвигах узбекских хлопкоробов. О том, что на сбор «белого золота» выходят в принудительном порядке школьники и студенты, ИТР и рабочие, а также воспетые Высоцким «товарищи ученые» — одним словом, все, только не сами колхозники, — радио скромно помалкивало. Так себя вело не только узбекское, но и казахское, туркменское, киргизское — одним словом, радио всех «братских республик» в пору уборки хлопка, или созревания сахарной свеклы, или «всенародной» кампании по заготовке кормов для скота на зиму. Всю первую учебную четверть, до самых «белых мух», мы с Паизом Абдыраимовым ежедневно выводили учеников школы села Зарташ — всех поголовно, включая первоклашек — на поля и вместе с ними по три-пять часов отработывали хлопковую повинность. Лишь мою школу в Чонгаре не трогали — явно из сострадания к детям и их родителям, еще не успевшим оправиться от ужасов недавней зардалинской зимы.

В самый канун 1961 года и январских каникул Икрамовы в последний раз зашли ко мне — попрощаться, почаявничать, «послушать Ташкент». Икрамов-старший сказал:

— Работы здесь для нас больше нет, домой едем. Слушай, зачем будешь все каникулы один сидеть, скучать? Мы к тебе в гости приходили — теперь ты к нам приезжай, гость будешь...

Объяснил, как доехать: попуткой до Баткена, там сесть в автобус до Исфары, оттуда в Ляккан (он произнес по-таджикски: Лякк^он).

— А как я вас найду? Улицу назовите, номер дома...

— Зачем? Не надо улицу, номер не надо. Автобус в Лякконе возле магазина остановится, ты выходи, любого ребенка спроси — где Атам-ако Икрамов живет, тебе покажут...

Все произошло как по инструкции. Первый же встреченный мальчишка не просто показал — лично поводит меня к дому Икрамовых, по пути выспросив, откуда я приехал и чем занимаюсь. На это, подозреваю, у него ушел весь небогатый запас русских слов, из чего я мог судить, что учитель-русист местной школы, подобно мне, талантом не блещет и успехом не избалован.

Новый год, как и любой другой праздник, с хмельным русским размахом сельские таджики не отмечают, у них такое не принято. Атам-ако по случаю моего приезда приготовил плов, позвал нескольких соседей-мужчин, меня с ними познакомил. Был среди них учитель истории из местной школы, и нас, двоих коллег, усадили рядышком. В меймонхоне — комнате для гостей — топилась чугунная печка, но по-настоящему грела не она, а сандал — яма метра полтора глубиной, на дне которой тлели угли, сверху прикрытые решеткой. Устроен сандал просто, как все гениальное: над ямой ставится круглый, покрытый махровой скатертью столик на низких ножках; вокруг него, прикрыв колени краями скатерти, ступнями упираясь в нагретую решетку, сидят участники трапезы, чинно беседуют, угощаются хозяйским пловом, передают друг другу пиалы с чаем...

Только вовсе не едой-питьем запомнился мне первый из трех дней гостевания в доме Икрамова. Вот прямо сейчас, словно никогда не исчезала, встает у меня перед глазами картина: дверь меймонхоны открывается, и входит мальчик лет пяти, в стеганом халате, подпоясанном, по таджикскому обычаю, цветным платком; на голове — традиционная тубетейка, на ногах — сапожки из мягкой кожи. Вся одежда и обувь сшиты «по-взрослому», лишь размером на ребенка.

Поднявшись из-за столика над сандалом, гости дожидались, пока «мужчина в миниатюре» к каждому из них подойдет, протянет для приветствия правую руку, которую они уважительно пожмут, приложив свою левую к правой стороне груди. Следовал краткий, в несколько слов тихим голосом, диалог: вопрос — ответ. Как тихонько объяснил мне коллега-историк, взрослые интересуются у мальчишка, здоров ли он, здоровы ли его домашние, а он им отвечает: спасибо, у него все хорошо. По спокойному достоинству, с каким принимались эти знаки почтения, я понимал, что пятилетний малыш осознает важность момента и собственную значимость. На избалованного вниманием барчука он похож не был, скорее, на маленького старичка. Дошла очередь и до меня. Поняв, что присутствую при некоем ритуале, я охотно в него включился, сумев запомнить жесты соседей: правую руку подал для приветствия, левой коснулся груди. Все это — без единого слова: много ли скажешь, не зная языка?

Шепотом, в тихом восторге от только что увиденного, я спросил у рядом сидевшего коллеги: за что мальчику такая честь? Так же шепотом мне было отвечено, что перед нами — младший сын Атама-ако Икрамова, ему при рождении дали имя покойного деда. По таджикским законам, окружающие, включая родителей, оказывают ему такие же почести, каких при жизни удостоивался дед. Обращаться к сыну/внуку следует не по имени, а — «бобо», что означает «дедушка», прибавляя слово «джон» — сердце, душа. Так будет до совершеннолетия, которое бобо-джон встретит в свои 18 лет, и тогда его станут звать именем, данным при рождении — Файзулло.

— Ну и вырастет он к этим годам капризным, заносчивым эгоистом, — неосторожно заметил я.

— Такого не будет, — успокоил меня коллега. — Ребенок видит, с каким уважением люди к нему относятся, и сам учится уважать людей...

ЛЮБОВЬ В ОТДЕЛЬНО ВЗЯТОМ БАТКЕНЕ

Помереть от скуки в Чонгаре с отъездом отца и сына Икрамовых мне не дали: в их бывшую половину коттеджа вселили троих взрывников, работавших на трассе будущего оросительного канала. Старшего звали Михаил Овчаров, его помощника — Виктор Прудников, фамилию Жени моя память не сохранила. А вот прозвище у них имелось одно на троих: Кенты. Вечерами они входили в мою холостяцкую обитель, я включал на полную громкость свою «Родину», и под музыку советских композиторов или песни разных народов, под собственный хвастливый трёп «за жизнь, за баб» компания душевно выпивала. Редко водку, чаще дешёвое крепленое вино, им торговал магазин в ближнем селе Ак-Турпак. Кенты, владея разбитой на местных дорогах бортовой «полуторкой», регулярно заглядывали туда на обратном пути с объекта, так что скучать долгими вечерами нам не приходилось.

Иной раз застольного веселья оказывалось недостаточно, тогда Миша произносил как бы в сторону, хитровато блеснув единственным своим глазом (другой он потерял во время неудачно проведенного взрыва): «А чего бы нам, братцы, не смотаться до Баткена и обратно?» Намек бывал понят и немедленно одобрен. После чего Кенты со мной в придачу набивались в кабину. Риск напороться на гаишника исключался: в этих краях даже при большом желании некому и некого было останавливать и штрафовать. Сорок километров по плотно укатанному грунту наша битая «полуторка» покрывала за час. Вскоре мы, заметно поддатые и слегка помятые, въезжали в райцентр, перед тем условившись, кто где останется проводить досуг: в местном доме местной культуры, где «каждый вечер — танцы», или у знакомых девушек. Крепко за полночь мы сходились в условленном месте, грузились в кабину и проделывали обратный путь — в неродную свою Чонгару, к своей неродной работе.

Очередной марш-бросок по маршруту Чонгара — Баткен был совершен 1 мая 1961 года. Ехали мы трезвые, зная, что основные возлияния ждут нас впереди, в теплой компании, собиравшейся отметить День, как известно, международной солидарности трудящихся. Не думал я не гадал, до какой степени буквальный смысл обретет этот день в моей судьбе. Что имею в виду — раскрою в конце рассказа.

Отбыв положенное за праздничным столом, мы двинули в ДК, ведя под ручки своих барышень. Со мной шла Валентина, медсестра районной больницы. Вошли в зал, где парочки отплясывали под «Ландыши, ландыши, светлого мая привет», про которые пела с пластинки Гелена Великанова. Тренированным оком бывшего донжуана я окинул окружающее пространство — нет ли кого посимпатичней моей медсестрички. И увидел: стоит девчонка, притулилась к стеночке, руки за спиной, танцевать явно не спешит. Каким магнитом меня к ней потянуло?!

— Ну, ребята, я пошел, — сказал я Кентам и вправду пошел. — Тебя как зовут? — спросил, подойдя к девчонке.

— Зарема, — и озарила улыбкой, от которой всё во мне замерло-запело-заиграло, и я понял, что пропал бесповоротно.

С того самого дня я использовал любой случай сорваться из Чонгары и попасть в Баткен — с поводом или без повода, только бы слышать волшебное имя Зарема, видеть улыбку, краше которой (а с той поры еще и роднее) я не знал тогда, как не знаю сейчас. Поженились мы в августе того же 1961 года, в сентябре следующего — появилась на свет Марина. Добившись перевода из Чонгары в школу-семилетку села Бужум, что рядом с Баткеном, я ежедневно отмахивал пешком шесть километров туда и шесть обратно. И так — всю рабочую неделю.

Зарема за год до нашей встречи окончила во Фрунзе политехнический техникум и по распределению попала в Баткен, где к тому времени жил ее отец, Рифат Закирович Сунчелеев с тремя детьми от второго брака (его первая жена, Заремина мама Евдокия Васильевна Деркачева, умерла, когда дочери было четыре года), и делила с отцом все заботы о сводных сестрах. Вот в какой большой семье я оказался...

...А день международной солидарности тут вот при чем. Брак еврея с татаркой по отцу и русской по матери может, хоть и с известной натяжкой, сойти за международный, что же до солидарности, так за пятьдесят семь совместно прожитых лет (на осень 2018-

го, когда писались эти строки) мы с Заремой, моей красавицей и умницей, повидали дни хорошие и не очень (последних было больше по моей вине), но все эти полвека плюс семь годочков сверху идем по жизни рука об руку, плечом к плечу, никуда не сворачивая...

КАРА-КУЛЬ: ТУДА И ОБРАТНО

«Я б в строители пошел...»

Из несчетного числа командировок, по которым меня носило за годы работы на Киргизском радио, многие пришлось на поселок (ныне город) Кара-Куль на реке Нарын, где в узком горном ущелье строилась знаменитая в ту пору Токтогульская ГЭС — основная станция Нарынского гидроэнергоскада, по сей день не законченного. Первая наша с «Токтогулкой» встреча состоялась, когда Нарын был уже перекрыт и оба его берега соединяло основание бетонной плотины, которой предстояло (забегая несколько вперед, замечу с гордостью: не без моего скромного участия!) подрасти до 215 метров. Проектную мощность станции в 1 миллион 200 тысяч киловатт обеспечивали четыре агрегата по 300 тысяч киловатт каждый.

Возвращаясь из Кара-Куля во Фрунзе с дюжиной магнитофонных кассет, на которых были записаны интервью с руководителями стройки, инженерами и мастерами, разговоры с рабочими, я рассказывал в радиоэфире обо всем, что увидел и услышал. В моих очерках и репортажах звучали голоса начальника Управления строительства НарынГЭС Зосимы Львовича Серого, руководителей других подразделений стройки. Вот почему, отправляясь летом 1970 года в Кара-Куль с заданием взять интервью у Казбека Хуриева, начальника Управления основных сооружений, которое строило плотину «Токтогулки», я ехал туда как свой человек, перед которым все двери открыты. Оказалось — все, да не все. Хуриев передал через секретаршу, что у него «нет времени на пустые разговоры». Дня два я нахально попался ему на глаза то перед зданием УОС, то на створе плотины — бесполезно. Попросил знакомого мастера участка Сашу Панькова: замолви за меня словечко перед Хуриевым, обидно же возвращаться с пустыми руками. Стою и наблюдаю издали, как Паньков подходит к Хуриеву, что-то ему говорит. Вернувшись, Саша объяснил, за что его шеф не любит журналистов: «Ходят по стройке в белых перчаточках, строчат в блокнотик цифры выполнения плана, имена передовиков, разве ж им понять, что такое труд гидростроителя?»

Вернувшись во Фрунзе, я доложил начальству, что задание не выполнил, тут же написал заявление на честно заработанный отпуск, уложил в свой выдавший виды рюкзак магнитофон с запасом кассет, туда же — старые брюки, резиновые сапоги, пару смен белья, поцеловал жену и детей и — вперед, обратно в Кара-Куль!

Замначальника НарынГЭС по кадрам и быту Пётр Фёдорович Шинко — необъятной души человек, книжник, собеседник, пасечник, «папа и мама» журналистов, пишущих о стройке (место в гостинице, машина для поездки на объект, свежая информация «только для своих», помощь в устройстве быта — все это мы получали, не зная отказа, стоило лишь попросить), увидев меня, очень удивился: «Ты ж от нас два дня как уехал!..» Выслушав, улыбнулся: «Ладно, пиши заявление: прошу направить временно на строительство плотины ГЭС. Написал? Дай-ка я свою закорючку поставлю. На, держи. Теперь двигай на створ, к Хуриеву».

Казбек Бексултанович Хуриев, когда я положил перед ним заявление, поднял на меня глаза, узнал, радости по этому поводу не проявил, только спросил, едва разомкнув губы: «Что, потянуло поближе к народу?» Я бормотнул что-то вроде: вот именно, потянуло. Он вынул авторучку, черкнул в уголке: «Разнорабочим, на месяц, в бригаду Феттаева».

С ПОНТОМ СТУДЕНТ

Прославленная в газетах, по радио и телевидению бригада механизаторов Сеяра Феттаева занималась послойной укладкой бетона в тело будущей плотины. Бетон поступал круглые сутки без перерывов, работа шла в три смены, с применением миниатюрных бульдозеров и тракторов на электротяге. Механизм с кабиной объемом с собачью будку подсоединяют кабелем к силовому щиту, человек в такой кабине сидит за рычагами, скрючившись, как бывает при радикулите. Процесс простой и монотонный: малютка-бульдозер своим ножом равномерно распределяет доставленную в самосвале бетонную массу по сектору плотины, затем наступает очередь малютки-трактора с навесным пакетом из четырех глубинных электровибраторов: человек в кабине-«будке» простым нажатием кнопок на рычагах погружает вибраторы в бетон и там их держит несколько минут, «прорабатывая», то есть уплотняя. Новое нажатие кнопок — вибраторы ме-е-едленно (бетон же!) выползают наружу, чтобы быть погруженными в новой точке. И так — восемь часов с перерывами на перекуры и обед.

Мой первый день в бригаде начался с ответов на вопросы, которые обычно задают любому новичку: кто такой, откуда прибыл и зачем, надолго ли. Как было задумано с самого начала, я все наврал: студент, стипендия маленькая, в институте сейчас каникулы, хочу подзаработать. Мне поверили. Выдали совковую лопату, ведро, рукавицы из толстой резины, строительную каску, объявили бетонщиком 3-го разряда и приставили к ответственной операции: черпать совковой лопатой воду, вытекавшую из-под свежего бетона, сливать ее в ведро, оттуда — в огромный металлический бак.

Через несколько дней звеньевой Саша Ильин, убедившись, что перед ним не филон, доверил мне управление электротрактором с пакетом вибраторов. Процесс, с которым после часовой дрессировки справился бы цирковой медведь, во мне вызывал чувства сродни тем, что испытывает летчик за штурвалом МиГа.

Свое истинное лицо перед бригадой я раскрыл, отработав первую неделю. Короткий перерыв, сидим вчетвером на перевернутых пустых ведрах: звеньевой Саша Ильин, бульдозеристы Александр Луценко и Иван Чжан и я, разнорабочий. Собираюсь с мыслями, обращаюсь к Ильину как к старшему по должности: «Саша, никакой я не студент, я журналист, хочу писать про вас, про стройку. Хотел, чтоб вы меня приняли за своего...» Ильин новость переварил и произнес: «Ладно, работай как работал». Неожиданной была реакция Луценко: «Вот это ни х..! А мы при тебе матерились!»

ИНТЕРВЬЮ КАЗБЕКА ХУРИЕВА БЕТОНЩИКУ 3-ГО РАЗЯДА

Пошла вторая неделя. Я ни на минуту не забывал, что одной из главных целей моего нечаянного трудового порыва было интервью с Казбеком Хуриевым. Однажды на створе проводили профилактику, были отключены все компрессоры и прочая техника, стояла непривычная уху тишина. Я присел в закуточке на перевернутом ведре, курил и не заметил, как подошел Хуриев: «У вас, кажется, были ко мне вопросы — они еще остались? — Да, отвечаю, остались, а к ним новые добавились. — Заходите после смены ко мне в кабинет».

Беседовали мы дотемна. Опытнейший гидростроитель, инженер от бога, трудоголик и умница, Хуриев говорил тихо, как свойственно людям, уверенным, что каждое их слово будет услышано. Ответил на все мои вопросы, отвез меня, сидя сам за рулем, в общежитие.

В последующие годы, что я регулярно наезжал в Кара-Куль — в командировку или для работы в очередной бригаде, — Хуриев, встречаясь со мной, узнавал, кивал издали — и только. Дела и люди, его окружавшие, для него были важнее любого корреспондента, даже такого, который доказал, что «ходить по стройке в белых перчаточках» — не его стиль.

ЯСАК НА БОЛЬШОЙ ДОРОГЕ

Быть разнорабочим мне так понравилось, что весь июнь 1971-го я проработал на строительстве здания ГЭС, в бригаде Ислама Хамдамова. А мой третий «отпуск» прошел в мехколонне №38, которая тянула линию электропередачи на трассе Кара-Куль — Андижан. Меня зачислили в бригаду монтажников высоковольтных опор, командовал нами Михаил Калмыков. Специалист высочайшего класса, объехавший пол-Союза, силач каких поискать, убежденный трезвенник, хотя и матерщинник, он не боялся ни начальства, ни бога, ни черта, и только один человек в мире мог заставить Мишу Калмыкова унять буйный темперамент и понизить голос до шепота — его миниатюрная жена, подарившая ему двух дочурок, которых он боготворил.

В бригаде мне выдали страховочный пояс для работы на высоте — широкий, тяжелый, усыпанный заклепками, усиленный мощной цепью. Поясом монтажник прицеплял себя к секции стальной опоры, которая во время сборки лежала на земле, — это его оберегало от перспективы сверзиться с шестиметровой высоты и покалечить руки-ноги. Не считаясь с тем, что неплохо бы еще и голову сберечь, я перекидывал цепь через шею и, оседлав таким лихим джигитом свое рабочее место, огромным гаечным ключом подтягивал гайки к шайбам и болтам — и так полную смену, но это лишь в первые две недели...

Потому что в оставшиеся полмесяца меня перебросили от греха подальше на другой участок работы, менее опасный, но, как оказалось, более сытный. Перед первым рабочим днем мастер участка, звали его Сергей, посоветовал мне взять с собой пару пустых стеклянных банок. «Это еще зачем?» — «Бери, бери, там увидишь».

Часть калмыковской бригады в составе: мастер Сергей, трое взрывников, бульдозерист и двое разнорабочих — расширяла проложенную в горах старую грунтовую дорогу, готовила трассу под высоковольтную ЛЭП-500, которой предстояло покрыть расстояние в 118 км от киргизского Кара-Куля до узбекского Андижана. Бригадный бульдозерист Борис Иванович, следуя за взрывниками, подгребал ножом бульдозера груды скальной породы и, подтолкнув к краю, сбрасывал их с обрыва. Нам с напарником Генкой досталось самое легкое: вручную убирать с проезжей части оставшиеся осколки. Дорожное полотно предстояло расширить до 10 метров, чтобы по нему не только прошли новые опоры, но также могли напрямую проезжать автомобили, доставлявшие из ближайшего совхоза в магазины и столовые Кара-Куля свежее молоко, сливки и сметану. Скоропортящийся груз приходилось везти кружным путем, километров за 70, но в будущем, которое неизвестно когда наступит, путь по прямой обещал стать вдвое короче. Совхозные водилы поняли, что с хорошими людьми всегда можно договориться, им не с руки было ждать, пока дорогу достроят.

Время приближалось к полудню, и мастер Сергей спросил меня:

— Банки взял?

— Взял. Хоть так и не понял зачем.

— Сейчас поймешь. Иваныч, глуши мотор: едут.

И правда — со стороны, откуда, по идее, никто ехать не должен (дороги-то нет!), возникли две автоцистерны с надписью на боках: «Молоко». Обе остановились, из кабин вышли водители, а к ним двинулись с банками наперевес мои товарищи. Я не отставал со своей пол-литровой банкой из-под кабачковой икры.

— Кому сливок — к первой цистерне, за сметаной — ко второй.

— А я в обе банки сметану залью. Жинка моя уже не помнит, когда последний раз покупала ее в магазине.

Подставил и я стеклотару под тугую струю сливок: спасибо, на обед хватит.

Расстались, довольные друг другом: водители, выплатив дорожный ясак, повезли свой скоропортящийся груз в Кара-Куль кратчайшим маршрутом; сытые дорожники вернулись к прерванным занятиям.

На другой день все повторилось: автоцистерны — сливки-сметана — «пока, увидимся завтра». Но однажды очередное завтра принесло неожиданные перемены. Машины подъехали вовремя, в первой из них рядом с водителем сидел начальственный вида мужичок. Он-то и вышел из кабины, направился к нам, спросил строго:

— Кто здесь у вас старший?

— Ну, я, — выступил вперед Сергей. — Случилось что-нибудь?

— Да вот, случилось! Я главный агроном совхоза. Вы что тут поборами занимаетесь? Меня директор послал с вами разобраться. Немедленно пропустите машины в Кара-Куль!

— Какие машины, в какой такой Кара-Куль? — удивился Сергей. — Вы же видите — здесь дороги нет и не скоро будет. Иваныч, объясни товарищу...

Борис Иванович поднял лежавший на земле металлический штырь со щитом, на котором было выведено красным «Проезд строго воспрещен! Идут взрывные работы», поставил его на землю перед носом главного агронома, аккуратно обложил рваным камнем, чтоб не упал. Залез в кабину бульдозера. Завел двигатель. Развернул машину поперек. Заглушил двигатель. Вышел из кабины. Сел на камень, закурил...

Мне, право, стало жаль бедного главного агронома, когда я представил, как он везет в обратный путь сметану и сливки, а те на ходу медленно, но верно прокисают.

Но вновь был день. И вновь нам была послана вкусная молочная пища. В полдень знакомо проурчали двигатели молоковозов. Водитель первого из них, покинув кабину, направился прямо к Сергею. На вытянутых руках он нес по бутылке «Столичной».

— Мужики, все путем. Это вам наш директор посылает, просит не обижаться за вчерашнее. Берите кому чего надо сколько хотите...

Ни до, ни после не ел я сметаны и сливок вкуснее, чем те, добытые на большой дороге!

БАНДА БОНДО

В одноэтажной, со считанным числом номеров, по-домашнему уютной кара-кульской гостинице «Турист», моем прибежище на те несколько недель, в которые я изображал из себя монтажника, жилые комнаты располагались по обеим сторонам уютного холла. Постояльцы, народ командированный, в силу малости гостиничного пространства, общались урывками, изредка между ними возникало подобие краткосрочной дружбы, скрепленной парой бутылок «Фруктово-ягодного», его в ближайшем магазине было хоть залейся. Для этих целей холл подходил как ничто другое.

Вовсе не дурак выпить, я в стихийно возникавших застольях участия не принимал: тому, кто в 8 утра обязан сидеть верхом на опоре ЛЭП, там с больной головой делать нечего, да его туда и не пустят, выгонят, учуяв душок перегара. Выпивать нашему брату-монтажнику разрешалось с вечера пятницы и всю субботу, начиная же с воскресенья, нормой жизни становилась трезвость.

Возвращаюсь с очередной смены, вхожу в гостиничный холл — и его не узнаю. Вместо привычно и мирно выпивающих соседей — одного из Украины, двоих-троих из России — вижу «лица кавказской национальности», слышу гортанную грузинскую речь, которую давно, с осени 1966-го, привык воспринимать как музыку. Пока шел к двери своего номера, со мной перезнакомились, называя себя по имени, все шестеро грузин. Топографы-геодезисты из Тбилиси, они через Ташкент машиной добирались в Кара-Куль, чтобы в течение месяца проводить расчеты под проект дороги к будущей Курпсайской ГЭС. Когда я сказал, что живу во Фрунзе, один из шестерых, Георгий, встрепенулся: «У меня там друг, Бондо зовут, не слышал?» Нет, я, к сожалению, не слышал. Георгий вынул записную книжку, полистал: «Вот! Нашел его номер телефона! Пойду позвоню». Вернувшись через четверть часа, объявил:

— Бондо сказал, чтоб мы никуда не отлучались, он завтра вечером сам приедет.

«Завтра» — означало в пятницу. Которую каждый из нас честно отработал на своем участке...

И наступил вечер. Мы сидели за столом в холле, когда с улицы донесся звук подъехавшего автомобиля, через минуту входная дверь отворилась, впуская того, который «сам приехал». Расхожий тип грузина: смуглый, роста чуть выше среднего, узкая гибкая талия, взгляд умелого покорителя дамских сердец, короткие, аккуратно подстриженные усы... Оглядел наше собрание, отметил мое лицо некавказской национальности и объявил по-русски тоном, сходу отметававшим всякие возражения:

— У кого какие неоконченные дела — заканчивайте их, пока я добрый. Через час двери закроются и откроются не раньше чем все это будет выпито.

Серьезность своих намерений Бондо подкреплял ящиком армянского коньяка «Арагат», двумя ящиками шампанского и двумя — с минералкой «Боржоми», а также плетеной корзиной, в которой навалом лежали палки копченых колбас, банки дефицитных консервов, белые батоны. Все это богатство занес и пристроил к стенке водитель, который нашего гостя сюда доставил, проделав путь в 450 километров.

— Ты не изменился, Бондо, — говорил Георгий, стоя с рюмкой в руке за накрытым в центре холла столом. — Сказал «приеду» — и вот пожалуйста, приехал. Нас когда-то было четверо, — это уже говорилось мне, — мы вот с таких лет дружим. — Он показал, подняв руку над полом, с каких именно лет. — Про банду Бондо слышал весь Тбилиси...

— «Банда» — это только название громкое, — заметил Бондо. — Зла мы никому не делали, просто жили весело, в свое удовольствие. Молодая кровь играла. Давай, бичо, первый тост за нашу любимую Грузию, чтоб жила и процветала...

После тоста за Грузию пили за родителей, за детей; за друзей, которые с нами, и за друзей, что от нас далеко; за любовь к женщине и за мужскую дружбу; за соседей, которые в трудную минуту придут на помощь...

Тостов и спиртного хватило на полных два дня. Бондо свою «угрозу» выполнил: никто не покинул помещение гостиницы, пока не опустели все ящики. В понедельник на смену не вышел, а то бригадир Калмыков дал бы мне хорошего пинка под зад. Бондо уехал от нас вечером в воскресенье, его ждала служба, о которой он предпочел не распространяться, да и какое нам дело, что за «банду» он там у себя во Фрунзе возглавляет...

CHEVROLET В ПОДАРОК ОТ БЕЗРАБОТНОГО ПАПЫ

На стройке проходили производственную практику студенты-иностранцы технических вузов Москвы, Ленинграда, Киева, Омска. Будущие геодезисты, проектировщики, гидроэнергетики, выходцы из стран Азии, Африки, Латинской Америки, они жили в гостиницах Кара-Куля по полгода и дольше, постепенно осваиваясь, как у себя дома, а кое-кто даже комфортней, чем там. Скромней, скудней прочий была жизнь у студентов из Вьетнама: денег на гостиницу они не имели, селились кучно в рабочем общежитии. Вьетнамцев, в отличие от веселых мачо-кубинцев или сынков богатых сирийцев, невозможно было встретить в местном ресторане или даже в дешевой столовой, еду они готовили себе сами, супчики варили из концентратов, кашку перловую; чайную заварку не меняли по три дня, освежая кипятком. Во время практики им платили не очень большие деньги, но и эти малые суммы они старались на себя не тратить, отправляли семьям во Вьетнам, где местный банк их рубли переводил в донги.

В соседнем с моим номере гостиницы жил Мохаммед, студент из Сомали. «Токтогулка» ему давала материал для дипломной работы, которую он готовился защищать в своей альма-матер, Московском инженерно-строительном институте. По-русски сомалиец говорил прилично, хотя и с сильным акцентом, но это лишь добавляло мне удовольствия от бесед с ним.

Стоим на улице у входа в гостиницу. Мохаммед провожает взглядом проезжающий мимо горбатый «запорожец»:

— Эта машина — Volkswagen, да?

— Ну нет, — блеснул я знанием марки автомобиля, — это наш «запорожец».

— А-а! У нас в Сомали похожие бывают, Volkswagen, их покупают всякие бедняки, студенты, у кого деньги мало.

— У тебя, — интересуюсь, — дома есть машина?

— Да, есть. Дорогая. Chevrolet. Папа мне купил, подарок на день рождения.

— А где твой папа работает?

— Нигде не работает. Дома сидит. Мама тоже дома сидит.

— Безработные родители имеют деньги на дорогую машину?

— Папа имеет овцы, козы, бараны, берблюды. Наверно, десять тысяч штук.

— Но за ними же присмотр, уход нужен! А ты — не работаешь...

— Там есть специальные люди, они ухаживают, папа им деньги платит...